

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Е.А. Попов, докт. филос. наук, доц., зав. кафедрой общей социологии Алтайского государственного университета*

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА СОЦИОЛОГА В УСЛОВИЯХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО РАЗВИТИЯ НАУК

Е.А. Popov, The Altai state university, head of the Department of general sociology, doctor of philosophical sciences, associate professor, e-mail: popov.eug@yandex.ru

RESEARCH CULTURE THE SOCIOLOGIST IN TERMS OF INTERDISCIPLINARY DEVELOPMENT SCIENCES

Статья акцентирует внимание на ответственности исследователя в научном труде. Со стороны философии и социологии науки часто обнаруживалось внимание к культуре исследования и общей культуре самого ученого. Вместе с тем предметом рассмотрения становилась та или иная конкретная область познания. В ней устанавливалась своя специфика исследовательской культуры. Эта специфика зависит от многих обстоятельств. К ним, например, относятся личность ученого, его принадлежность к научной школе или научному коллективу и т.д. Сама же культура исследования становилась неотъемлемой частью научной деятельности, и ее уровень влиял на эвристичность, научность результатов проведенного изыскания. Как известно, последовательное развитие науки на современном этапе обнаружило явную тенденцию к междисциплинарному взаимодействию знаний из различных предметных сфер. Особое место в этом сотрудничестве наук занимает социология. В статье исследуются особенности формирования и укрепления культуры научной деятельности социолога в условиях такого междисциплинарного взаимодействия. Определяются объективные и субъективные факторы, влияющие на ход исследования в рамках социологического знания, развивающегося в условиях междисциплинарности. Уделяется внимание анализу методической компетентности социолога.

Ключевые слова: научное творчество, доминанты научного творчества, исследовательская культура, междисциплинарность, социальное и гуманитарное.

The article focuses on the responsibility of the researcher in the study. From the side of philosophy and sociology of science have often found the attention to

* Попов Евгений Александрович, e-mail: popov.eug@yandex.ru

the culture of research and the communal culture of the scientist. However, consideration has become a particular area of learning. It has established its own specific research culture. This specificity depends on many circumstances. These include, for example, include the scientist, his belonging to a scientific school or scientific staff, etc. The culture of research has become an integral part of scientific activity, and its level was influenced by the heuristic, the results of scientific research. As you know, the consistent development of science in modern times have discovered a definite trend towards interdisciplinary interaction of knowledge from different subject areas. A special place in the cooperation of Sciences is sociology. In the article the features of formation and strengthen the culture of research activities of the sociologist in terms of such interdisciplinary interaction. Determined by objective and subjective factors influencing the progress of research within sociological knowledge, developing in the context of interdisciplinarity. Attention to the analysis of methodical competence of a sociologist.

Key words: *scientific creativity, the dominant scientific creativity, research culture, interdisciplinarity, social and humanitarian.*

Научное творчество является преобладающим способом совершенствования исследователя в границах той или иной отрасли знания. Нередко опытных и начинающих исследователей упрекают в недостаточно высоком качестве работ разного плана — и статей, и диссертаций. Это, как нам кажется, действительно, сложная проблема, во многом отягощенная особенностями развития современной науки в целом. Употребив здесь слово “отягощенная”, мы имеем в виду, прежде всего, неустойчивость или растерянность науки перед обстоятельствами в равной степени и объективными (как, например, диверсификация самих принципов научности — “что можно сегодня считать наукой, а что следует удалять за ее пределы”), и субъективными, такими как рост конъюнктурности исследований, привязанность работы исследователя к грантам и фондам. Наиболее уязвимым местом в работе исследователя, пожалуй, остается частое пренебрежение устоявшимися ценностями и нормами научного творчества. В целом это можно представить как погоню за коммерческими результатами деятельности. Не секрет, что “грантомания”, прочно закрепившаяся на рубежах современной науки, наряду со стимулированием исследований по сути дела вытесняет из них исследовательскую культуру. Связано это обстоятельство с тем, что “мерка науки по рублю” загоняет исследователя в рамки презентативности данных, т.е. такой подачи материала на суд научной общественности в лице экспертов, которая не позволит усомниться в полученных результатах. Это, конечно же, возможно, однако презентативность связана прежде всего с формой подачи данных, и исследователь обращает внимание в первую очередь на правильность заполнения необходимых

отчетных граф. На самом деле грант — это способ не только выделить средства на исследование и проконтролировать работу, но и придание такой работе свойства экономической целесообразности и, как следствие, доказательство практической значимости полученных результатов для социальной сферы. Как отмечает С.А. Лебедев, одной из особенностей современной науки является “перенесение главного акцента научной деятельности с процесса получения и обоснования научного знания на его практическое применение в сфере экономики для производства новых товаров и удовлетворения самых разнообразных и постоянно растущих потребностей людей”¹. Против такой привязки науки к экономике трудно что-либо возразить, поскольку никто не опровергает идею важности пользы для общества и конкретного человека получаемых результатов. Но все же это в большей степени распространяется на науку прикладную или естественную, там где “ручной” труд дает артефакты, способные оправдать экономические затраты. В социально-гуманитарном знании все намного сложнее: идея должна быть такой, чтобы ее разработка могла впоследствии дать толчок к развитию отрасли знания, а возможно, и целого производства. Ближе всего к этому состоянию, как нам кажется, стоят социальные области знания, которые, руководствуясь интересами и потребностями общества, отдают себе отчет в необходимости получения социально значимого “продукта”. К примеру, социология, по мысли В.Д. Плахова, “представляет собой специфичный эпистемический образ, в котором воплощается с присущей ей динамикой организация научных знаний о человеческом обществе, его структуре и закономерностях развития”². Это, так сказать, идеология социологической науки, ее стратегический потенциал и стержень, а реальность заставляет некоторых исследователей вести речь и о “сервильности” социологии, когда “социология исполняет гувернерские, обслуживающие функции”³.

Очевидно, что роль всесторонне эрудированного исследователя повышается в условиях так называемого “похода” наук за междисциплинарностью, который оборачивается ростом *гибридных* областей познания мира, о чем, в частности, рассуждает Н.Г. Осипова, отмечая «активный процесс создания так называемых “междисциплинарных научных направлений”, или “гибридов”, которые об-

¹ Лебедев С.А. Современная наука: социальность и инновационность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2011. № 1. С. 36.

² Плахов В.Д. Социология: эпистемы и эпистемология // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 6.

³ Горшков М.К. Диалог российской социологии с обществом и властью (опыт прошлого, перспективы будущего) // Философские науки. 2011. № 4. С. 21.

разуются на стыке социологии и гуманитарных, социальных, естественных, математических, а также технических наук»⁴. К слову сказать, известный социолог относит к таким “гибридам” этносоциологию и политическую социологию. Но в любом случае перед исследователем стоит вопрос вопросов — в русле какого направления науки он стремится получить новое знание или новую информацию и каким образом наиболее эффективно презентовать полученные данные или свои соображения относительно актуальной проблемы. Если исходить из того, что научное творчество как будто не имеет очерченных рубежей и согласуется, во-первых, с интересами исследователя, а во-вторых, по-видимому, с “продвинутым” научным направлением, сулящим сравнительно быстрое получение соответствующих дивидендов “от науки”, как-то: цитируемость, авторитет в своей области (расставить ранги таким авторитетам в социологии небезуспешно, на наш взгляд, попытались А.В. Кнорре, М.М. Соколов в статье «“Тяжеловесы” российской социологии: опыт измерения статуса и ресурсов ученых»⁵ и т.д.), то может сложиться впечатление, что ничто исследователя в научном поиске не ограничивает. Социология, к примеру, относится к числу таких научных областей, которые нередко камуфлируют отсутствие единой линии исследования на прочных теоретико-методологических основаниях либо неконтролируемым количественным ростом ответвлений и отраслей (“интенсивный процесс горизонтального дробления предметного поля социологии”⁶), либо же которые превыше всего ставят прикладное исследование часто без опоры на теорию. Так появляются многочисленные отраслевые “социологии” — социология досуга, войны, праздника и т.д. Тем не менее, у исследователей они пользуются популярностью из-за богатейшего эмпирического материала, а следовательно, и возможности презентовать полученные результаты и таким образом влиться в когорту исследователей-практиков.

В то же время социологи не спешат посвятить свои исследования таким сложным и подчас сакральным сторонам человеческого коллективного и индивидуального бытия, как искусство, ментальность; при этом внимание к объектам и явлениям культуры по-прежнему возрастает, поскольку исследования в этом направлении позволяют увидеть в результатах общественного мнения сразу же симптоматику социальной реальности и одновременно поста-

⁴ *Осинова Н.Г.* Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 38.

⁵ *Кнорре А.В., Соколов М.М.* “Тяжеловесы” российской социологии: опыт измерения статуса и ресурсов ученых // Социологические исследования. 2013. № 10.

⁶ *Осинова Н.Г.* Указ. соч. С. 41.

вить диагноз состоянию мира: если люди стали меньше посещать музеи и театры, общество находится в кризисе. Ясно, что культура — это, конечно же, срез общественного развития, но не нужно забывать, что культура — это вовсе не смесь социальных институтов. Между тем феномен “золотой рыбки” охлаждает людские пристрастия и заостряет их на вполне обыденных вещах: “В ходе исследования респондентам было предложено вообразить, что они поймали золотую рыбку, и рассказать, что бы они у нее попросили. В отличие от главного персонажа из известной сказки А.С. Пушкина, респонденты оказались людьми сдержанными и скромными. Они не обременяли золотую рыбку чересчур амбициозными требованиями и ограничились лишь самым простым, чисто житейским набором: здоровье (43%), достаток (38%), счастье себе и близким (25%), счастье в личной жизни (18%)”⁷. В этом столь же ироничном, сколь и реальном опыте кроется ответ, пожалуй, на ключевой для современной социально-гуманитарной науки вопрос о том, чем является для человека культура — не та культура с пафосом метафизичности и *онтологичности*, а культура повседневная, жизненная. В этой связи нетрудно заметить расстановку акцентов в стане исследователей и среди носителей культуры: для одних ценности все больше становятся “бумажными”, некими идеальными типами — подпорками общественного прогресса и духовно-нравственной консолидации людей. Для других непреложное значение имеют объективированные в повседневной жизни культурные коды, “низведенные” до ценностных ориентаций и связанные с семьей, бытом, внутренним ощущением покоя и комфорта. Ценности привязаны к обществу, различные же их вариации и формы в том или ином сочетании отнесены к носителям культуры. Но в этом-то и состоит сложность для исследователя — на основании среза ценностей делаются выводы о состоянии социальной реальности, при этом человек остается на вторых ролях как своего рода *дизъюнкция* культуры. Вместе с тем, по мысли С.А. Кравченко, «стремление людей к постоянной рационализации и совершенству в *отсутствие гуманистической составляющей* (курсив автора цитаты. — Е.П.), как правило, оборачивается дисфункциональностями в виде невосполнимых потерь “неправильного” человеческого капитала»⁸. Важное замечание об отсутствии “гума-

⁷ Андреев А.Л. Русская мечта: взгляд социолога // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Альманах 2013. ОАО “ВЦИОМ”. М., 2013. С. 18.

⁸ Кравченко С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 10.

нистической составляющей” объясняет некоторым образом и кризис ценностей, и кризис наук.

Обратим внимание на последнее выражение: кризис науки в целом и отдельных ее отраслей можно давно признать расхожей фразой; кризисом именуется любое проявление мировоззренческой слабости или растерянности исследователя перед объектами реального мира. Но нужно признать и то, что в такой же невыгодной ситуации оказываются и носители культуры, испытывающие на себе все возможные критические состояния мира, истории, политики и экономики, наконец, и науки также. Так, В.И. Дудина в статье с программным названием “Вымышленный кризис социологии...” все же констатирует наступление “трех” кризисов — реальности, теории, обоснования⁹. Для науки это сродни приговору, несмотря на общий жизнеутверждающий смысл в названии указанной статьи. Но авторы по-настоящему соревнуются в “преподнесении” кризиса, устанавливая иногда и его цивилизационные рубежи: “Общий системный кризис человеческого общества, порождаемый прежде всего кризисом западной цивилизации... предъявляет совершенно новые требования к социологии”¹⁰. Конечно, и не только к социологии, к науке вообще. Здесь, по-видимому, уместно было бы тезис об отсутствии “гуманистической составляющей” как своего рода референции современного состояния реальности сопоставить с получившим широкое распространение положением о противопоставлении гуманитарного и социального начал в научном познании. Утрата “гуманистической составляющей” в системе человеческих ценностей и норм не может, разумеется, не сказаться на состоянии дел в науке. По крайней мере, в последнее время в ней прибавилось спорящих о том, что есть два полюса знаний и по сути два типа мировоззрения — гуманитарный и социальный. Разобраться в том, как распределяются эти ценностно-смысловые комплексы в научном познании — вещь все же принципиальная, поскольку, как оказывается, для современных наук такое явление, как междисциплинарность, стало практически рядовым событием, а вот примириться с возможным сочетанием гуманитарного и социального на паритетных началах, очевидно, не всегда удастся, и этот вопрос приобретает архиважное звучание в контексте развития науки. По этому поводу, кстати, высказываются различные мнения, подчас обнаружи-

⁹ Дудина В.И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 14.

¹⁰ Ногайбаева Д.Т. Гуманистическая функция социологии в настоящее время // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сб. ст. Вып. 5 / Под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул, 2013. С. 84.

вающие острую критику научного “диффузионизма”: “Социально-гуманитарные науки пересекаются и всегда могут взаимоинтерпретироваться, их развитие происходит во многом путем перекрестных заимствований. Парадокс заключается в том, что даже стремление к синтезу приводит к бесконечной фрагментации”¹¹. При этом следует отметить, что феномен *социально-гуманитарной* науки как будто сам по себе возражений не вызывает и рассматривается как данность. В некотором смысле это положение подтверждает и В.Е. Кемеров, отмечая, что «термины “гуманитарное” и “социальное” часто употребляются как интуитивно ясные»¹². На самом деле, как нам кажется, проблема эта не рядовая и заслуживающая особого внимания в эру развития наук и *социально-гуманитарных*, и естественных. Правда, все же гораздо тяжелее переносить различные кризисы и застои именно социально-гуманитарным наукам: они направляют свои усилия на “воссоединение” человека, общества и культуры, но зачастую оказываются бессильными в этом продвижении научных “трендов”. А между тем, “в социальных науках люди, по сути, не рассматриваются в их особенном бытии, а их силы и способности учитываются лишь в абстрактных формах и измерениях”¹³. Примерно в этом же ключе звучит “обвинение” и социологии: “В сегодняшней социологии отсутствует то, что М. Вебер выразительно характеризовал как чувство многомерности ситуаций или положений, *человеческих* мотиваций (курсив наш. — *Е.П.*)”¹⁴.

Главное для исследователя в такой ситуации — преодолеть барьер кризисности знания и двигаться дальше по пути получения новых результатов. К слову сказать, о кризисе науки сегодня дискутируют так много и долго, что само по себе это обстоятельство можно и нужно рассматривать в качестве объекта научного исследования. Кризис — поворот — переворот — меняющаяся роль и т.д. Это единый смысловой ряд, характеризующий остроту проблемы в познании. Исследователю приходится занимать одну из двух позиций — изучать объекты, имеющие первостепенную важность для государства и органов власти (так называемые приоритетные направления науки, технологий и техники, обозначенные в указе Президента Российской Федерации № 899 от 07.07.2011 г.),

¹¹ *Смирнов И.П.* История мысли — история философии: проблема дифференциации // *Философские науки*. 2013. № 4. С. 16.

¹² *Кемеров В.Е.* Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // *Человек*. 2011. № 1. С. 15.

¹³ Там же.

¹⁴ *Гудков Л.Д.* Социология культуры: научно-аналитический обзор тематического номера “Кельнского журнала по социологии и социальной психологии” // *Культурология: Дайджест*. 2012. № 1 (60). С. 52.

либо “приписываться” к проверенному временем научному направлению, разрабатываемому научным коллективом. В любом случае кризис науки по его объективным проявлениям или по ощущениям самих ученых способен существенным образом поколебать их уверенность в себе. И если, как полагает Л.А. Маркова, “в XX в. начинает активно обсуждаться граница между человеком-ученым и знанием как результатом его деятельности”¹⁵, то в начале следующего столетия — XXI — эта граница распространяется на отношения общества и человека; тотальная социальность стирает экзистенцию в человеческом бытии, заменяя ее фреймами, концептами, трендами и т.д. Вместе с тем “влияние общества на формирование научного знания никогда не отрицалось, но явно воспринималось как *внешнее* влияние, никак не задевающее содержание и логику развития научного знания (курсив автора цитаты. — *Е.П.*)”¹⁶. Кризис науки и в утверждении тотальной социальности как новой онтологии, и в растерянности исследователя перед обязательными атрибутами науки. А это уже связано и с профессионализмом тоже, и с возможностью применять не только практический, но и теоретический разум. По словам русского философа Н.Ф. Федорова, “будучи в отдельности, два разума... являлись двумя невежествами, двумя мраками; при соединении же... они воссияют двойным светом, и прежних взаимных обвинений... в мракобесии — уже не будет”¹⁷. В научном дискурсе вопрос о “двух разумах” или теоретической и прикладной ориентациях знания оставался существенным практически всегда; некая рубежность этих ипостасей науки конечно же представляется условной: исследователь не может проигнорировать накопленный теоретический опыт в осмыслении того или иного объекта реальности, в то же время доказательность рассуждениям придается за счет прикладного исследования. Но тем не менее, дискуссии относительно межвания или противостояния теоретической рефлексии (теории и теоретизирования) и “эмпирики” не стихают.

Вопрос о месте человека, общества и культуры стоит ребром, разумеется, не только перед социологией, но и перед другими областями современного знания. Небезупречна в решении этой проблемы, как оказывается, и философия “в изложении” новых философов “под видом философского творчества” и “с различными

¹⁵ Маркова Л.А. На пути к новой онтологии в философии науки // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 45.

¹⁶ Там же. С. 48.

¹⁷ Федоров Н.Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. I. М., 1995. С. 395.

уловками”¹⁸. С точки зрения Ю.Н. Солонина, “вскормленные традицией следовать образцам и классикам, мы склонны, отказавшись от прежних кумиров, перенести этот навык на новые персонажи. Естественное стремление избежать этого неприятного состояния ведет молодых философов к нарочитой эпатажности, к философскому цинизму и надуманной заостренной односторонности”¹⁹. Пробуждение в современном исследователе этих негативных качеств, с одной стороны, существенным образом изменяет саму методологию научного поиска — стратегия должна быть выгодной, презентабельной, полет мысли неповторимым (как, собственно, в любом творчестве), — но, с другой стороны, обрекает любой научный труд на квазиисследовательский. Тогда кризисный тезис “Мы стоим перед угрозой превратиться в философскую провинцию”²⁰ сравнительно легко примеряется и на другие дисциплины науки. Не исключение в этом ряду и социология. Как полагают некоторые исследователи, “путь механического соединения данных часто ведет не к познанию целостного феномена и основных его законов, а к накоплению фрагментарных описаний существенных и несущественных свойств, отношений и связей”²¹.

Следует обратить внимание на то, что механицизм в производстве научного поиска и научного действия стал рефреном прикладных областей знания не случайно, а в угоду явно выделившемуся из целостного знания эмпиризму. Пиетет перед стройным рядом цифр-показателей человеческих приобретений и потерь не оставляет ни социолога, ни другого исследователя. Обработав этот отчет, можно уже завтра представлять результаты на суд обществу. Здесь, конечно же, во главу угла поставлена еще одна сложная проблема современной науки — согласованность теории и практики. Не секрет, что в социологии метод и данные, полученные в ходе эмпирического исследования, более выразительны по сравнению с теоретическими размышлениями, однако именно в теоретической социологии возможна “генерация фундаментального знания”²². Между тем, относительно социологии показательным моментом может стать “вопрос на засыпку”, связанный с определением ее объекта. Социология как наука об обществе и общественных связях и отношениях очевидна для эмпириков, рабо-

¹⁸ Солонин Ю.Н. Привитие философии (философские факультеты и философская культура) // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 10.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 4.

²² Там же.

тающих непосредственно с феноменами и явлениями социальной реальности. Размышления о социологии как науке о взаимодействии общества, человека и культуры в большей степени характерны для тех исследователей, которые социальную реальность рассматривают не просто в многомерности институтов и процессов, а представляют ее в системе ценностно-смысловых координат с тремя осями: 1) общество, 2) человек, 3) культура. Но нельзя не отметить и того обстоятельства, что социологи интуитивно улавливают конъюнктурность такого взаимодействия, если иметь в виду политизацию общественных процессов, юридизацию человеческих отношений и, наконец, оповседневнивание культуры, сведение ее к бытовым моментам и поведению в обществе. Не секрет, что социологи зачастую “схватывают” именно эти пороговые составляющие человеческого бытия, так как они, по их мнению, отвечают на актуальные вопросы о состоянии соответствующих сфер. Очевидные просчеты в этой связи возникают из-за фрагментарного взгляда на мир: локализация исследовательских интересов на “взрывных” точках бытия нивелирует и практически сводит на нет социальную интуицию. А вместе с тем “социологическое теоретизирование, — по мысли А. Филиппова, — всегда содержит в себе интуицию социального”²³. Недостаточность интуиции социального может завести исследователя в тупик, если к нему вдруг возникнут вопросы о теоретических обобщениях на основе предпринятого эмпирического анализа. Онтологические характеристики взаимодействия общества, человека и культуры остаются за скобками его научного интереса и не позволяют сделать цельных обобщений. Разумеется, это не общее правило науки, а лишь повторяющиеся случаи, однако, они являются показательными и лишней раз убеждают в том, что грани научной рефлексии продолжают оставаться зыбкими. А это в свою очередь сопряжено с рисками непрофессионализма и утраты ответственности в исследовательском труде.

Но ответственность конкретного исследователя за проделанную работу и презентацию полученных данных — это одна сторона монеты. Совсем иное, если целая научная отрасль как будто оказывается “приписанной” к государству и его институтам и учреждениям. В этом смысле само понятие ответственности в научной деятельности также трансформируется и попадает из разряда этических категорий в систему оценочных средств постановки политических или правовых отметок. И социология с ее сравнительно непродолжительной историей становления и развития (но трудной судьбой) занимает в этом списке наук свое место, о чем не раз

²³ Филиппов А. К теории социальных событий // Логос. 2005. № 5 (50). С. 63.

высказывались некоторые исследователи. В частности, например, как полагает А.Ф. Филиппов, “целенаправленное воздействие на общество является ключевой задачей социологии, работающей для управленческих институтов, партийных и государственных”²⁴. При этом отмечается польза и полезность социологии²⁵, но также и ее опасность для власти: “...социология (похоже, и всякая другая социальная наука) не нужна российской власти. В чем-то даже опасна”²⁶. Как видим, спектр оценок роли современной социологической науки в “наукогенезе” нередко достигает крайних точек. За всем этим угадывается предписанный социологии статус “в неравном мире”, о чем справедливо рассуждает П. Штомпка. Согласно его точке зрения, “наука, включая социологию, не знает границ. Она развивается как общий ресурс знаний, к которому национальные, континентальные, региональные или даже локальные социологии с успехом могут присоединиться”²⁷. Остается к этим словам лишь добавить, что социология как “общий ресурс знаний” вне сомнения должна отражать процессы взаимодействия общества, человека и культуры, а не замыкаться только в мире общественных явлений. Иначе говоря, следуя логике рассуждения Д.В. Иванова, в этом случае нужно вести речь о форматировании и перезагрузке социологии “с новым дизайном интерфейса”²⁸.

Между тем ответственность исследователя в научной деятельности — вещь вовсе не абстрактная, а вполне резонная и необходимая. Акцент на диалоге российской социологии с обществом и властью, чему, например, посвящена статья М.К. Горшкова²⁹, позволяет выделить некоторые примечательные функции социологической науки, среди которых практически-политическая и функция социальных критиков³⁰. Сложно не заметить в этом перевес в сторону политизации социологии. А на деле этот процесс, по сути, свидетельствует об ужесточении внимания государства к наукам о социальной реальности. Повышается ли вместе с ним ответственность социолога за объективные сведения об общественных отношениях? Очевидно, да. Хотя главная проблема кроется,

²⁴ *Филиппов А.Ф.* Советская социология как полицейская наука // Новое литературное обозрение. 2013. № 5 (123). С. 58.

²⁵ Там же. С. 59.

²⁶ *Зборовский Г.Е.* Теоретическая социология: quo vadis? // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 15.

²⁷ *Штомпка П.* Десять тезисов о статусе социологии в неравном мире // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 133.

²⁸ *Иванов Д.В.* Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 10.

²⁹ *Горшков М.К.* Указ. соч.

³⁰ Там же. С. 14, 16–17.

по-видимому, не в том, что социолог пойдет на какую-либо сделку с совестью или органом власти ради смены “картинки” в результатах проведенных исследований, а в профессиональном владении инструментарием такого анализа, а также и теоретическими подходами к изучаемому предмету. В этом смысле “привитие социологии” неизбежно и нуждается в совершенствовании. На эту сторону труда социолога обращают внимание многие видные социологи. Например, В.И. Добренков задает один из ключевых вопросов для современного знания: “Как избавиться от дилетантизма в науке и гиперболизации персональной реальности?”³¹. И далее предлагает ответ на него: “Только единственным способом — использовать научный метод”³². Действительно, это своего рода азы исследовательской работы — овладение научным методом. Здесь уместно привести слова крупнейшего физиолога И.П. Павлова, утверждавшего, что “все дело в хорошем методе. При хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать очень много. А при плохом методе и гениальный человек будет работать впустую и не получит ценных, точных данных”³³. Бесспорный аргумент, но в случае с социологией ситуация обостряется необходимостью не просто избрать научный метод, но и “по назначению” его использовать. А нередко возникает обратная картина: “Если социолог обследовал рабочих судостроительной промышленности, изучив одно предприятие, а свои выводы распространяет на всех рабочих или на всех занятых в народном хозяйстве, то эти выводы можно сразу выбросить в мусорную корзину”³⁴. Таким образом, и мера ответственности соотносима с должным владением методом. В то же время, как полагает В.А. Ельчанинов в работе “Негативная методология науки”, “метод организует и дисциплинирует поиск истины, позволяет в случае правильности экономить силы и время, двигаться к цели наиболее целесообразным и выгодным путем”³⁵.

Действительно, кредо исследователя, его профессиональная компетенция подтверждаются многими обстоятельствами, в том числе и владением и теорией, и методами. По словам Е.Н. Ищенко, «предметом рефлексии все чаще становятся маргинальные для

³¹ Добренков В.И. Методологические и эпистемологические проблемы формирования теоретического знания в социологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 23.

³² Там же.

³³ Павлов И.П. Лекции по физиологии. М., 1952. С. 21.

³⁴ Добренков В.И. Указ. соч. С. 24.

³⁵ Ельчанинов В.А. Негативная методология науки: Монография. Барнаул, 2012. С. 7.

философской классики “измерения” реальности»³⁶. Исследователи склонны обращаться к областям знания, позволяющим получить без больших затрат времени и усилий эвристичные данные, многократные операции над которыми затем будут создавать иллюзию масштабной работы, растянувшейся на годы. Если, скажем, социологи изучили социокультурный портрет какого-либо из российских регионов, то сначала можно представить данные о социальном благополучии региона, затем “выжать” этнокультурную дифференциацию населения, позже описать особенности культурной политики и т.д. Каждый раз информации, полученной по принципу “одного окна”, будет приписываться соответствующая научная новизна и актуальность. Между тем в социологическом изучении мира довольно остро стоит вопрос о компетентности в работе с инструментарием. Очевидно, что “простая экстраполяция прежнего инструментария на реалии сложного социума недопустима — по определению нельзя искать простых решений новых сложных проблем”³⁷, но даже в работе с прежним инструментарием социологи намеренно обходят стороной вопросы искусства, духовности, творчества, ментальности и др. В этих реалиях нужны методы особенные, глубинное погружение в человеческую натуру, а это потребует от исследователя более затратных усилий, чем обращение к богатству/бедности, старению/росту рождаемости и т.д. Конечно, социология здесь не может, да и не должна, отвечать, что называется, за всю социально-гуманитарную область знаний. Социология, конечно, меняется существенно. Об этом, в частности, размышляет В.И. Добреньков: “Изменения, которые претерпела социология, имеют многоплановый характер: изменились самопонимание социологии, ее место среди других социальных и гуманитарных наук; изменилась социологическая картина мира и базисные теоретические основания, на которых строится социологическое знание”³⁸. Науки, конечно же, изменчивы. Кризис ли тому виной, если вдруг науки в один голос “примкнули” к междисциплинарности с экивоками в сторону необходимости комплексного подхода к тем или иным объектам и реалиям мира. Или же здесь имеется в виду целенаправленная политика государства, когда четко выделены в “элитный отряд” одни области знания,

³⁶ *Ищенко Е.Н.* Проблема реальности в философском и гуманитарном дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2005. № 2. С. 3.

³⁷ *Кравченко С.А.* К итогам X конференции ЕСА // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 8.

³⁸ *Добреньков В.И.* Ценностно ориентированная социология. Постановка проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 4. С. 21.

прежде всего экономически выгодные и полезные, а иные причислены к этому реестру по сути в довесок. Тем не менее, изменениям подвержены и ракурсы оценки событий и реалий окружающей действительности, и методологические установки, и сами темы. Сегодня это социально заостренные темы, как раз имеющие необходимый КПД для экономики и социальной сферы, отмеченные печатью “повышенной” новизны и актуальности, и, увы, печалью однообразия. Штампуются исследования по изучению отношения населения к определенным явлениям реальности, продолжают массовые исследования по качеству жизни, по миграционным потокам населения, по диверсификации человеческого потенциала и т.д. Важность научных изысканий в данных направлениях никто не оспаривает, речь лишь о том, насколько интерес современного исследователя не меняется годами: понятно, что обозначенные проблемы позволяют провести репрезентативное прикладное исследование и представить полученные результаты в показательных таблицах и диаграммах. В кругу таких вопросов исследователь чувствует себя более уверенным, нередко избегая “теоретизирования” и выхода на философский (или онтологический) уровень обобщения эмпирического материала.

Одним из важных моментов, способных повлиять на усиление ответственности исследователя, должен стать *поиск истины*. Осознание истинности — это состояние особенное, крайне необходимое как для начинающего исследователя, так и для опытного. Механическим путем к пониманию этого обстоятельства прийти совершенно невозможно, а исследовательская культура продолжает оставаться не на высоте. Между тем истина укрепляет рубежи исследования и главное — не позволяет усомниться в адекватности полученных данных. Философский ракурс этой проблемы раскрывает перед социологом неотвратимость онтологического взгляда на социальную реальность, от чего он, бывает, уклоняется и прячется за чередой цифр “эмпирики”. Но не менее значимым в современной науке продолжает оставаться *метафоризм*, который возникает из-за метатеоретизирования и многочисленных переработок уже известных эмпирических данных. В результате “образ науки, а собственно говоря не что иное, как ее метафорический дискурс... ставит под сомнение многие приобретения исследовательских исканий, в том числе и в области социологии и социогуманитарного знания в целом”³⁹. Метафорические комплексы сил

³⁹ *Попов Е.А.* Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия: Монография. Барнаул, 2013. С. 9.

(“жизненные силы культуры”⁴⁰), слоев (“верхний слой социальной реальности”⁴¹) и т.д. становятся неотъемлемой частью современного научного дискурса. И в этой связи можно быть практически уверенным в том, что любой пассаж в науке на уровне теоретического обобщения не может не содержать метафоричности. Дело здесь не только в стилистике изложения материала, но и в конвергентности знания, когда истина способна родиться в междисциплинарных связях; в свою очередь отношения эти не всегда прочны и на определенном этапе их развития появляются как раз метафорические комплексы как первый опыт научного плюрализма. Эти комплексы отвердевают в категориальных системах и понятиях и получают методологическое осмысление не сразу, а в процессе установления истины. При этом возникают ведь сомнения и относительно того, насколько это критично для науки — поиск истины. А.Б. Гофман, к примеру, на этот счет замечает: “Сегодня рассматривать поиск истины в качестве познавательной цели науки не модно. И в этом важную роль сыграли и играют сами люди науки или те, кто выступает от ее имени”⁴². Действительно, мода в науке проявляет себя во всем и на каждом шагу; это мода на методологию и метод, научное направление или школу, категории и понятия. Если так, то концентрировать усилия исследователю на поиске собственного “эксклюзивного” научного явления вовсе не обязательно и вполне достаточно продемонстрировать умения и навыки работы с уже известным материалом, многократно перелагая его на новый лад. Наиболее излюбленным приемом, пожалуй, в этом ключе становится *игра* с категориями и понятиями. Очевидно, что изобрести новое слово в науке иногда не столь уж сложно, как может показаться на первый взгляд. И поэтому истина здесь рождается, как водится, вместе с появлением нового “старого” понятия. Авторы статей пишут о социоэкономике⁴³, очевидно, в пике экономической социологии, о культуронике как гуманитарной технологии⁴⁴ в дополнение к культурологии или же для ее замещения и т.д. И если, например, начинающие исследователи чаще всего в своих диссертационных работах приме-

⁴⁰ Семилет Т.А. Культурвитализм — концепция жизненных сил культуры: Монография. Барнаул, 2004.

⁴¹ Здравомыслов А.Г. Тройственная интерпретация культуры и границы социологического знания // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 8.

⁴² Гофман А.Б. О модах в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 27–28.

⁴³ См.: Шабанова М.А. Социоэкономика как актуальное междисциплинарное направление: вклад социологии // Социологические исследования. 2013. № 11.

⁴⁴ Эпштейн М.Н. Конструктивный потенциал гуманитарных наук: могут ли они изменять то, что изучают? // Философские науки. 2008. № 12. С. 43.

няют излюбленное словосочетание “уточнено понятие”, то более опытные с легкостью допускают “введено в научный оборот новое понятие”. Очевидно, что существующие сегодня более двух тысяч определений культуры — это вовсе не предел для современной науки, если всякий раз культурологи, “культуроники”, а также социологи и другие будут давать “более продвинутое” и эвристически ценное на их взгляд определение такого феномена как культура. Вообще говоря, именно культура, как нам кажется, становится самым любимым для исследователей различных областей знания и соответственно наиболее часто *разрабатываемым* в науке явлением. Очень часто к культуре примеряются различные явления жизни — экономика (“Экономика как культура...”⁴⁵), политика (“...превращение культуры в самых различных ее формах в арену интенсивных политических взаимодействий, противоречий и столкновений”⁴⁶) и т.п. При всем при этом важную роль в развитии науки продолжает играть исследовательская культура, овладение которой необходимо каждому ученому и исследователю в равной степени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 2012. № 8.

Андреев А.Л. Русская мечта: взгляд социолога // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Альманах 2013. ОАО “ВЦИОМ”. М., 2013.

Горшков М.К. Диалог российской социологии с обществом и властью (опыт прошлого, перспективы будущего) // Философские науки. 2011. № 4.

Гудков Л.Д. Социология культуры: научно-аналитический обзор тематического номера “Кельнского журнала по социологии и социальной психологии” // Культурология: Дайджест. М., 2012. № 1 (60).

Гофман А.Б. О модах в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2013. № 10.

Добреньков В.И. Ценностно ориентированная социология. Постановка проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 4.

Добреньков В.И. Методологические и эпистемологические проблемы формирования теоретического знания в социологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 2.

⁴⁵ См.: *Погребняк А.А., Расков Д.Е.* Экономика как культура: возвращение к “спору о методах” // Общественные науки и современность. 2013. № 2.

⁴⁶ *Следзевский И.В.* Мультикультурализм: хрупкий баланс между интеграцией и дезинтеграцией // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 125.

Дудина В.И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии // Социологические исследования. 2013. № 10.

Ельчанинов В.А. Негативная методология науки: Монография. Барнаул, 2012.

Зборовский Г.Е. Теоретическая социология: quo vadis? // Социологические исследования. 2013. № 9.

Здравомыслов А.Г. Тройственная интерпретация культуры и границы социологического знания // Социологические исследования. 2008. № 8.

Иванов Д.В. Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // Социологические исследования. 2013. № 9.

Ищенко Е.Н. Проблема реальности в философском и гуманитарном дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2005. № 2.

Кемеров В.Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011. № 1.

Кнорре А.В., Соколов М.М. “Тяжеловесы” российской социологии: опыт измерения статуса и ресурсов ученых // Социологические исследования. 2013. № 10.

Кравченко С.А. К итогам X конференции ЕСА // Социологические исследования. 2012. № 3.

Кравченко С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социологические исследования. 2013. № 5.

Лебедев С.А. Современная наука: социальность и инновационность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2011. № 1.

Маркова Л.А. На пути к новой онтологии в философии науки // Вопросы философии. 2013. № 11.

Ногайбаева Д.Т. Гуманистическая функция социологии в настоящее время // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: Сб. ст. Вып. 5 / Под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул, 2013.

Осинова Н.Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 2.

Павлов И.П. Лекции по физиологии. М., 1952.

Плахов В.Д. Социология: эпистемы и эпистемология // Социологические исследования. 2007. № 11.

Погребняк А.А., Расков Д.Е. Экономика как культура: возвращение к “спору о методах” // Общественные науки и современность. 2013. № 2.

Попов Е.А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия: Монография. Барнаул, 2013.

Семилет Т.А. Культурвитализм — концепция жизненных сил культуры: Монография. Барнаул, 2004.

Следзевский И.В. Мультикультурализм: хрупкий баланс между интеграцией и дезинтеграцией // Общественные науки и современность. 2013. № 2.

Смирнов И.П. История мысли — история философии: проблема дифференциации // Философские науки. 2013. № 4.

Солонин Ю.Н. Привитие философии (философские факультеты и философская культура) // Вопросы философии. 2011. № 2.

Федоров Н.Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Собр.соч.: В 4 т. Т. I. М., 1995.

Филиппов А. К теории социальных событий // Логос. 2005. № 5 (50).

Филиппов А.Ф. Советская социология как полицейская наука // Новое литературное обозрение. 2013. № 5 (123).

Шабанова М.А. Социоэкономика как актуальное междисциплинарное направление: вклад социологии // Социологические исследования. 2013. № 11.

Штомпка П. Десять тезисов о статусе социологии в неравном мире // Социологические исследования. 2013. № 9.

Эпштейн М.Н. Конструктивный потенциал гуманитарных наук: могут ли они изменять то, что изучают? // Философские науки. 2008. № 12.

REFERENCES

Aleksandrov Ju.I., Kirdina S.G. Typy mental'nosti i institucional'nye matricy: mul'tidisciplinarnyj podhod // Sociologicheskie issledovanija. 2012. N 8.

Andreev A.L. Russkaja mechta: vzgljad sociologa // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. Al'manah 2013. OAO "VCIOM". М., 2013.

Fedorov N.F. Supramoralizm, ili vseobshhij sintez (t.e. vseobshhee ob#edinenie) // Fedorov N.F. Sobr. soch.: V 4 t. T. I. М., 1995.

Filippov A. К теории social'nyh sobytij // Logos. 2005. N 5 (50).

Filippov A.F. Sovetskaja sociologija kak policejskaja nauka // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. N 5 (123).

Gorshkov M.K. Dialog rossijskoj sociologii s obshhestvom i vlast'ju (opyt proshlogo, perspektivy budushhego) // Filosofskie nauki. 2011. N 4.

Gudkov L.D. Sociologija kul'tury: nauchno-analiticheskij obzor tematiceskogo nomera "Kel'nskogo zhurnala po sociologii i social'noj psihologii" // Kul'turologija: Dajdzhest. М., 2012. N 1 (60)).

Gofman A.B. O modah v sovremennoj teoreticheskoj sociologii // Sociologicheskie issledovanija. 2013. N 10.

Dobren'kov V.I. Cennostno orientirovannaja sociologija. Postanovka problemy // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2012. N 4.

Dobren'kov V.I. Metodologicheskie i jepistemologicheskie problemy formirovanija teoreticheskogo znanija v sociologii // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2013. N 2.

Dudina V.I. Vymyshlennyj krizis sociologii i kontury novoj jepistemologii // Sociologicheskie issledovanija. 2013. N 10.

El'chaninov V.A. Negativnaja metodologija nauki: Monografija. Barnaul, 2012.

Zborovskij G.E. Teoreticheskaja sociologija: quo vadis? // Sociologicheskie issledovanija. 2013. N 9.

Zdravomyslov A.G. Trojstvennaja interpretacija kul'tury i granicy sociologicheskogo znanija // Sociologicheskie issledovanija. 2008. N 8.

Ishhenko E.N. Problema real'nosti v filosofskom i gumanitarnom diskurse // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 7. Filosofija. 2005. N 2.

- Ivanov D.V.* Jetapy jevoljucii sociologii i dominantnyje tipy teoretizirovanija // Sociologicheskie issledovanija. 2013. N 9.
- Jepshtejn M.N.* Konstruktivnyj potencial gumanitarnyh nauk: mogu li oni izmenjat' to, chto izuchajut? // Filosofskie nauki. 2008. N 12.
- Kemerov V.E.* Gumanitarnoe i social'noe: ot oppozicii k sintezu // Chelovek. 2011. N 1.
- Knorre A.V., Sokolov M.M.* "Tjazhelovesy" rossijskoj sociologii: opyt izmenenija statusa i resursov uchenyh // Sociologicheskie issledovanija. 2013. N 10.
- Kravchenko S.A.* K itogam H konferencii ESA // Sociologicheskie issledovanija. 2012. N 3.
- Kravchenko S.A.* Stanovjashhajasja slozhnaja social'naja real'nost': problema novyh ujazvimostej // Sociologicheskie issledovanija. 2013. N 5.
- Lebedev S.A.* Sovremennaja nauka: social'nost' i innovacionnost' // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 7. Filosofija. 2011. N 1.
- Markova L.A.* Na puti k novoj ontologii v filosofii nauki // Voprosy filosofii. 2013. N 11.
- Nogajbaeva D.T.* Gumanisticheskaja funkcija sociologii v nastojashhee vremja // Sociologija v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorcestvo: Sb. st. Vyp. 5 / Pod red. O.N. Kolesnikovoj, E.A. Popova. Barnaul, 2013.
- Osipova N.G.* Otraselevaja matrica sovremennoj sociologii: krizis divergencii // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2013. N 2.
- Pavlov I.P.* Lekcii po fiziologii. M., 1952.
- Plahov V.D.* Sociologija: jepistemy i jepistemologija // Sociologicheskie issledovanija. 2007. N 11.
- Pogrebnyak A.A., Raskov D.E.* Jekonomika kak kul'tura: vozvrashhenie k "sporu o metodah" // Obshestvennye nauki i sovremennost'. 2013. N 2.
- Popov E.A.* Kul'tura i duhovnaja zhizn' cheloveka i obshestva v sisteme sovremennoego sociologicheskogo znanija i v uslovijah rossijsko-aziatskogo polikul'turnogo vzaimodejstvija: Monografija. Barnaul, 2013.
- Semilet T.A.* Kul'turvitalizm — koncepcija zhiznennyh sil kul'tury: monografija. Barnaul, 2004.
- Shabanova M.A.* Sociojekonomika kak aktual'noe mezhdisciplinarnoje napravlenie: vklad sociologii // Sociologicheskie issledovanija. 2013. N 11.
- Shtompka P.* Desjat' tezisov o statuse sociologii v neravnom mire // Sociologicheskie issledovanija. 2013. N 9.
- Sledzevskij I.V.* Mul'tikul'turalizm: hrupkij balans mezhdru integraciej i dezintegraciej // Obshestvennye nauki i sovremennost'. 2013. N 2.
- Smirnov I.P.* Istorija mysli — istorija filosofii: problema differenciacii // Filosofskie nauki. 2013. N 4.
- Solonin Ju.N.* Privitie filosofii (filosofskie fakul'tety i filosofskaja kul'tura) // Voprosy filosofii. 2011. N 2.